
Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 4—13
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.1

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 4—13
ББК 60.723
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.1

СТРАНОВОЙ ГЕНДЕРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА, ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
galinasillaste@yandex.ru

Предмет исследования — страновой гендерный ландшафт как один из важнейших факторов формирования нового гендерного порядка в условиях глобализации. Анализируются социальные противоречия этого процесса и их особенности на трех уровнях: макро-, мезо- и микроуровне. Предложена типологическая группировка стран по гендерной структуре населения с учетом ее асимметричности и дисбаланса. Раскрыта связь между страновой гендерной асимметрией населения и характерными чертами нового странового гендерного порядка, западноевропейским фокусом его формирования. Противоречивость и конфликтогенность определенных норм данного порядка раскрываются в процессе анализа его угроз и социальных рисков. Рассматривается их сущность, специфика, негативная аккумуляция в конкретных объектах, прежде всего в традиционном институте семьи. Выделена группа социогендерных рисков как разновидности рисков социальных, порожденных продвижением ряда неординарных норм нового гендерного порядка.

Ключевые слова: гендерный порядок, страновой гендерный ландшафт, социальные риски, социогендерные риски, гендерная асимметрия, гендерный дисбаланс, феминизация, гендерная тектоника.

THE COUNTRY GENDER LANDSCAPE AS THE FACTOR OF A NEW GENDER ORDER FORMATION, ITS SOCIAL RISK

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The subject of the article is the country gender landscape as the main factor of a new gender order formation in the context of globalization. The article analyses social controversies of this process and its features at three social levels: macro-, meso-, and micro. A typological grouping of countries according to the gender structure of the population, taking into account its gender asymmetry and gender imbalance is proposed. The article reveals the connection between the country's population gender asymmetry and characteristics of the country's new gender order, the West European focus of its formation. The contradictory and conflicting nature of certain norms of a new gender order is revealed in the analysis of its threats and social risks. The analysis of their essence, specificity, negative accumulation of social risks in specific objects taking place most notably in the traditional institution of the family is given. The group of the socio-gender risks as a type of social risks generated by the promotion of the number of innovative norms of the new gender order is identified.

Key words: gender order, country gender landscape, social risks, socio-gender risks, gender asymmetry, gender imbalance, feminization, gender tectonics.

Страновой гендерный ландшафт и социальные противоречия гендерной тектоники

О формировании нового гендерного порядка мир еще долго будет говорить и спорить, с изменяющимся накалом обсуждать и критиковать позиции сторон. Поэтому вопрос, поднятый автором в статье, опубликованной в предыдущем номере данного журнала, — это лишь самое начало большого пути (см.: [Силласте, 2019]).

Одной из объективных детерминант формирования нового гендерного порядка являются изменения в гендерной структуре населения, которые обуславливают *страновой гендерный ландшафт*, т. е. карту мира, образующуюся по критерию гендерной асимметрии в структуре населения разных стран. Мы привыкли классифицировать их по знакомым всем нам экономическим показателям: ВВП, уровню жизни, прожиточному минимуму и т. д. Не спору: важные показатели. Но хотела бы предложить типологию по иному, не столь распространенному критерию, а именно по гендерному распределению населения внутри стран, позволяющему «нарисовать» гендерный страновой (мировой) ландшафт, через призму которого можно оценить гендерную тектонику в развитии нового порядка.

Гендерная тектоника отражает демографический мобилизм и происходящие под его влиянием изменения, движения, деформации отношений между гендерными общностями и социальными институтами, влияющими на формирование гендерного порядка. Порядка, в ядре которого заложена идея достижения

гендерного равноправия. Подчеркну: не равенства, а равноправия. При этом признак пола используется в расширенном понимании, т. е. идея достижения гендерного равноправия независимо от пола не только биологического, по рождению, но и от того, с которым сам/сама себя идентифицирует мужчина/женщина. Это одно из принципиальных изменений в представлениях о гендере.

Являясь сторонницей школы теории систем, буду исходить из следующего положения: под социальными изменениями, способствующими развитию нового гендерного порядка, подразумевается прежде всего то, что появится через некоторое время [Штомпка, 1996: 21]. Иначе говоря, речь пойдет об определенных различиях между тем, что мы наблюдаем в гендерном порядке сегодня, что привычно и традиционно в системе ценностных норм взаимоотношений представителей противоположного пола, с одной стороны, и теми правилами, которые могут стать новыми в отношениях между гендерными общностями, что сможем увидеть после закрепления новой гендерной нормы в сознании и поведении населения, — с другой.

Поэтому важно понять социальные противоречия, порождаемые гендерной тектоникой, ибо они образуют разные проблемные ситуации в системе взаимодействия, коммуникации, защиты интересов или нивелирования прошлых норм общественного бытия. Выделю ряд таких социальных противоречий, сформировавшихся на трех уровнях социального пространства.

На макроуровне это противоречие между изменившейся и меняющейся гендерной структурой мирового сообщества в пользу увеличения числа женщин и усиления феминизации в общественной жизни. Расширяющееся в большинстве стран преобладание женщин приводит к росту их влияния на политическую, экономическую, культурную жизнь общества и привносит изменение подходов к оценке их роли в ней. Вместе с тем в результате транзитивности рыночной экономики и рыночных отношений существенно изменяются кодовые, т. е. исторически сложившиеся, ценностные представления, нормы и отношения между мужской и женской гендерными общностями на всех уровнях: от личностных, семейных до социально-политических. Женщин-руководителей топ-класса в политике, бизнесе, образовании становится все больше, стиль общения меняется, конфликт их восприятия объективно усиливает гендерную конкуренцию во всех сферах. Будь то рынок труда, занятости и профессий или перераспределение социальных, родительских обязанностей. Глобализация мир-системы сделала эти процессы и их последствия поистине процессами без границ.

На мезоуровне социальные противоречия развиваются по линии столкновения государственных законодательно-правовых норм, закрепляющих принципы нового гендерного порядка и гендерного равноправия, которые распространяются в США, западноевропейских, Скандинавских странах и ряде других, с неприятием многими странами законодательной легализации однополых браков, пересмотра традиционной ценности институтов родительства, семьи и брака, материнства и отцовства. В каждой цивилизованной стране на уровне данного социально-правового противоречия развивается свой конфликт интересов института права (в форме национального законодательства) и института морали и воспитания. Такой ценностный конфликт приводит к «войне поведений»

сторонников и противников нового гендерного порядка. В странах ЕЭС (и не только) он устанавливается через попрание прав большинства гендерных традиционалистов в пользу агрессивного сексуального меньшинства.

Социальные противоречия на микроуровне (межгрупповом и межличностном) можно назвать противоречиями ядра, так как развиваются они между индивидуальными представлениями о назначении мужчины и женщины в обществе, о половой сущности гендера, о воспитании в семье как в малой и ценностно закрытой своим миром группе со своими отношениями, поведением, приоритетами и возможностями. Не будет преувеличением сказать, что именно семья как ценностное ядро малой группы и принимает на себя удары противоборства старого и нового гендерных порядков, далеко не всегда получая полноценную поддержку государства.

Таким образом, социальной реальностью стал конфликт интересов важнейших социальных институтов — регуляторов общественного развития: семьи и права, морали и свободы. Социальные противоречия протекают на фоне структуризации странового гендерного ландшафта, непосредственно взаимосвязанного с распространением норм нового гендерного порядка, его внутристрановых правил и поведенческих действий участников. Фактором, способствующим ретрансляции новых норм, является мегаинформационное пространство и информационная свобода.

Типология стран — не только по показателю ВВП...

Согласно мировому докладу ООН, количество женщин за последнее десятилетие увеличилось почти во всех государствах и мировое сообщество пополняется женщинами интенсивнее, чем мужчинами. По тенденциям развивающейся в мире демографической ситуации можно выделить четыре гендерно-страновых анклава, различающихся уровнем гендерной асимметрии и нормами странового гендерного порядка. Построю шкалу по критерию женского представительства в гендерной структуре населения 36 развитых стран.

Первый анклав — страны с жесткой гендерной асимметрией в пользу мужчин. Иначе говоря, страны с резким дефицитом женщин (гендерно-разбалансированные страны). К ним относятся Индия и Китай. Это страны, в которых женщины составляют от 48,2 до 48,8 %. Гендерный разрыв — 1,9—1,6 %. Общая численность населения этих стран 1,3—1,4 млрд человек. Гендерный разрыв в пользу мужчин составляет 37 млн в Индии и 40 млн в Китае [Женщины и мужчины России... , 2016: 188—189]. К странам наивысшего «женского дефицита» относятся ОАЭ, где мужчин 75 %.

В этих странах распространены ограничение рождения девочек, моральная, экономическая и идейная власть мужчин, дискриминация женщин, девушек и девочек (особенно в Индии). Семейная, демографическая и гендерная политика здесь переплетены очень сложно. Например, китайских мужчин современного поколения считают самыми эгоцентричными, так как насильственное ограничение многие годы рождаемости девочек привело к тому, что современное активное мужское поколение росло без братьев и сестер.

Второй гендерный анклав — страны с мягкой асимметрией в пользу мужчин, где женщины составляют от 49,4 до 49,9 %. Это Таджикистан, Норвегия, Турция, Узбекистан (анклав преимущественно из азиатских стран, но с явной норвежской доминантой).

Третий анклав занимает особое место в силу редчайшего гендерного паритета в структуре населения. Это Республика Корея. Очень близко к ней примыкают Швеция и Австралия (50,2 % женщин).

В анклавах с четвертого по шестой соотношение женщин и мужчин в структуре населения меняется в пользу женщин.

Четвертый анклав — страны, в которых 50,4—50,8 % населения составляют женщины. Это так называемая мягкая гендерная асимметрия в пользу женщин, которая присуща таким странам, как Канада, Дания, Киргизия, Нидерланды, Бразилия, Швейцария, Финляндия, США, Великобритания, Испания, Туркмения, Бельгия. В этих государствах национальное законодательство поддерживает развитие эгалитарного типа семьи с равными социальными правами участия мужчин и женщин в ее развитии и интеграции в экономику.

В пятый анклав входят страны с умеренной гендерной асимметрией в пользу женщин, они составляют 51,0—51,7 %. Это Германия, Аргентина, Австрия, Болгария, Япония, Италия, Греция, Франция, Польша, Казахстан.

Вырисовывается западноевропейский эпицентр распространения нового гендерного порядка и идеологии гендерного равноправия в духе постмодернизма. При такой модели гендерного равноправия в значительной мере пересматриваются базовые семейные ценности как часть ценностей общечеловеческих, власть пола и полового самоопределения, поддерживается парадигма воспитания детей по гендерно-нейтральным нормам, нивелирующим биологический пол и ставящим перед родителями, а шире — перед самим институтом родительства вопрос: могут ли однополые особи, требующие законодательного признания за ними родительских прав на воспитание детей, способствовать воспроизводству полноценного населения и сохранению государства как социально полноценного человеческого сообщества.

И шестой гендерный анклав — страны с резкой гендерной асимметрией в пользу женщин, составляющих в структуре населения от 52,3 до 54,2 %. Таких стран восемь: Армения, Венгрия, Беларусь, Россия, Украина, Литва, Эстония, Латвия. Это страны с высоким уровнем эмансипации женщин, достигнутой за социалистический период, и высокой степенью их занятости в экономике.

В данной группе стран исторически доминантным является православное понимание традиционной роли института семьи, его социальной, психологической и нравственной ценности; признается неоспоримость биологической идентификации признака пола как основы разделения мужских и женских репродуктивных ролей, отцовства и материнства, приоритет родительского воспитания ребенка над общественным.

Таким образом, связь между страновым гендерным ландшафтом и ландшафтом формирующегося гендерного порядка, распространения его новых норм очевидна. Очевидно и то, что связь эта не линейная. Она скорее отражает сложный мультилинейный процесс со своими идеологическими, правовыми, политическими и социокультурными издержками и успехами.

В чем состоят угрозы и социальные риски формирующегося нового гендерного порядка

Мультилинейные процессы ввиду своей сложности и многомерности сопровождаются появлением рисков и угроз, трудно поддающихся математическим расчетам и социальному прогнозированию. Что значит социальный риск, возникающий в процессе становления нового социального явления, которое определяется сегодня как новый гендерный порядок? Не стану приводить сложные понятийные конструкции ни Н. Лумана, ни У. Бека — разработчиков концепции социального риска [Луман, 1994; Бек, 2000]. Дам определение понятия в более простой и краткой форме. Социальный риск означает возникновение ситуации неопределенности в развитии реально протекающего процесса и появление вероятности наступления неблагоприятного последствия (событие, процесс, явление).

В условиях социальных и экономических транзаций неопределенность — это практически перманентное состояние общества. Поэтому социальные новации, внедряемые в области гендерного равноправия, естественно активизируют появление социогендерных рисков как подвида рисков социальных. Зависят эти риски (устойчивость, продолжительность, глубина и масштабы распространенности) от их объекта и отличаются негативными потенциальными последствиями, отражающимися на его изменении. Объектов социогендерных рисков не мало. Общее между ними то, что они связаны с развитием человека, а шире — гендерных общностей и затрагивают область социального и репродуктивного воспроизводства населения, социальную значимость семьи и родительства, материнства и отцовства, ребенка и детства как феноменов, подвергающихся пересмотру или коррекции с позиций нового гендерного порядка.

Как и все социальные риски, социогендерные риски имеют «рукотворный» характер и возникают в результате инициативных действий самого человека. Конкретнее, являются «творениями» западноевропейских законодателей и архиактивных сообществ сексуальных меньшинств, однополые браки которых легализованы, получили правовое закрепление и статус, равный правам традиционной семьи и родительства, матери и отца. Такое решение усилило ситуацию неопределенности и вероятность возникновения новых рисков и для ребенка, и для самих эрзац-родителей. Какие социогендерные риски появились в ситуации такой социальной неопределенности?

1. Это риск разрушения семьи как традиционного социального института и малой группы. По результатам опросов общественного мнения разных возрастных когорт, семья вновь прочно стоит на первом месте среди базовых социальных ценностей личности. Данная ценность терминальная, системообразующая и фактически не имеющая заместительной формы. С другой стороны, формы развития семьи видоизменяются. Время уже изменило стандарт представления о размере многодетной семьи, сократив его в три раза по сравнению с советским периодом (с 10 детей до 3). Но это мелочи относительно риска кардинального пересмотра сущности семьи в связи с натиском сексуальных меньшинств, требующих признания полноценной семьей гендерной пары с нетрадиционной ориентацией.

2. Риск социально некритичного отношения к западным моделям равноправия граничит с угрозой пересмотра ценностного кода традиционного института

семьи, прав родителя, обращения с ребенком; угрозой отъятия ребенка у матери на недоказательных основаниях плохого за ним ухода под видом защиты его прав (особенно когда это касается матерей-одиночек), контроля за содержанием холодильника с детским питанием без учета материальных возможностей семьи и т. д. Сканирование западных моделей «защиты» прав ребенка, введенных в российское законодательство, привело к тому, что они на деле стали новыми нормами отчуждения ребенка от матери и семьи, возвышения прав ребенка над правами родителей.

На этом фоне резко обострился годами, даже десятилетиями не решаемый российскими законодателями вопрос о предотвращении насилия в семье, защите женщин и детей от семейного насилия. Все изменения последних лет в семейном и других законодательных актах касаются не борьбы с набравшим огромную деструктивную силу насилием в семье, а социально-правовых последствий этого явления. Давно доказано, что подобными методами еще никто не добивался успеха в обеспечении социальной безопасности личности. Однако, как показывает многолетняя практика, у российских законодателей особая аллергическая реакция на требования неправительственных организаций вернуться к разработке законопроекта о предотвращении насилия в семье (могу судить, потому что под руководством Г. И. Климантовой — тогда председателя Комитета по вопросам женщин, семьи и молодежи Государственной думы РФ — возглавляла первую рабочую группу по разработке такого законопроекта в 1995—2002 гг.) [Силласте, 1997].

В то же время социологические исследования научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финиансового университета показывают существенное возрастание позитивной роли семьи в кризисных ситуациях. Об этом свидетельствует позиция россиян в выборе наиболее важных точек опоры, благодаря которым им удалось пережить экономические и политические кризисы (таблица) [Социальные риски... , 2014: 74—75].

Значимость источников поддержки для россиян в условиях финансово-экономических кризисов

Что помогло Вам выжить в условиях финансово-экономических кризисов?	Процент ответов
Семья	40,6
Родители	39,8
Собственная воля и предприимчивость	38,8
Накопленные сбережения	20,2
Личное подсобное хозяйство	12,3
Помощь друзей	10,9
Социальная ответственность работодателя	8,7
Кредиты	8,3
Помощь детей	5,3
Социальная поддержка государства	4,8
Помощь трудового коллектива	4,1
Продуманная государственная политика	3,1

Как видим, у россиян в условиях финансово-экономических кризисов четыре базовые точки опоры: семья, родители, собственная воля и предприимчивость, накопленные сбережения. Лишь от 8,3 до 12,3 % респондентов полагаются на кредиты и социальную ответственность работодателя, помощь друзей и личное подсобное хозяйство. И всего 4,8 % на социальную поддержку государства и 3,1 % на продуманную государственную политику.

3. Другим риском является риск нивелирования социальной ценности ребенка и детства. Социальная ценность детей в процессе функционирования общества — это вопрос стратегической ценности воспроизводства населения. О каком воспроизводстве детей можно говорить в однополых браках?

4. Риск замещенного родительства связан с неспособностью иметь детей, что порождает формы заместительного родительского поведения и формирует риск квазиродительства.

5. Существует и риск невозвратности российских детей, которые либо продаются за рубеж (под разными псевдогуманными мотивами), либо теряются российскими матерями, выезжающими за рубеж без малейшего представления о законодательной базе страны назначения в части семейного и родительского права.

6. Растут риски реконструирования облика и содержательной ценности женщины вплоть до ее девальвации (с учетом масштабов теневого рынка продажи женщин и развития проституции). Гендерной детонацией можно считать некоторые формы индивидуальной адаптации женщины к новым условиям жизни и выживания. Тенденции маскулинизации облика и характера женщин сегодня довольно развиты.

7. Усиление риска социальной дискриминации женщин в ходе кризисов отмечает каждый третий респондент [Социальные риски... , 2014: 98]. Сфера труда и занятости остается областью дискриминации преимущественно женщин, наибольшей гендерной уязвимостью отличаются молодые женщины, бросившие работу. Для таких молодых временных домохозяек риск потенциальной безработицы быстро становится реальным.

8. Риск феминизации бедности универсальный в мировом контексте, но в России он имеет свои особенности. В 2018 г. бедное население страны составляло не менее 30 % (по данным Госкомстата, а по результатам социологических исследований, не менее 40—45 %). 37 % малоимущих домохозяйств возглавляют женщины. Большинство среди бедного населения также женщины. Малоимущих пенсионеров почти в 2,5 раза больше, чем малоимущих пенсионеров.

Как показывают социологические замеры, не менее 48 % горожан, пережив уже несколько финансово-экономических кризисов и испытав на себе их «энергии распада», считают себя жертвами кризисов.

Закончу гендерную рискологию риском политической периферийности для женщин. Это риск отчужденности от участия в большой политике. По доле женщин в парламенте Россия находится на 100-м месте в международном рейтинге, пропуская вперед не только развитые страны, но и Турцию (94-е место), и Китай (58-е), и Киргизию (76-е). Этот показатель можно считать квинтэссенцией отражения уровня демократизации общества в целом.

Безусловно, просчитывать риски новых социальных явлений дело сложное и до сих пор плохо освоенное. Что касается минимизации социальных рисков, то, по мнению абсолютного большинства российских горожан, основную роль в минимизации рисков и угроз в области развития семьи и родительства должны играть государственные органы управления и законодатели.

Заканчивая в модусе будущего социального времени, отмечу, что формирование в мире нового гендерного порядка — процесс крайне сложный, противоречивый и без преувеличения небезопасный в социально-правовом и идейно-духовном плане. То, что в наших органах власти избегают использования категории «гендер» (гендерная политика, гендерный бюджет или гендерный порядок и т. п.) и по-прежнему делают акцент только на положении женщин, ситуацию не изменит.

Новый гендерный порядок — общемировая категория, которую надо наполнять своим национально-ценностным содержанием, не забывая, что Россия — страна с самым ярко выраженным женским лицом и по гендерному «паспорту», и по реальному национальному портрету. Решать, что из формирующегося в мире нового гендерного порядка принять, а что отвергнуть как противоречащее национальной культуре, традициям, ментальности, — право каждого суверенного государства.

Библиографический список

- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
Женщины и мужчины России, 2016. М.: Росстат, 2016. 208 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 28.01.2019).
Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135—160.
Силласте Г. Г. Защитить семью: (о судьбе законопроекта о предотвращении насилия в семье) // Мир женщины. 1997. № 3.
Силласте Г. Г. Социальные трансции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе: отчет по результатам социологического исследования. М.: Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2014. 198 с.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 411 с.

References

- Bek, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk society: On the way to another modernity], Moscow: Progress-Traditsiia.
Luman, N. (1994) Poniatie riska [Concept of risk], *Thesis*, no. 5, pp. 135—160.
Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change], Moscow: Aspekt Press.

-
- Sillaste, G. G. (1997) Zashchitit' sem'iu: (O sud'be zakonoproekta o predotvrashchenii nasiliia v sem'e) [Protect the family: (About the fate of the draft law on the prevention of domestic violence)], *Mir zhenshchiny*, no. 3.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Sotsial'nye riski finansovo-ekonomicheskikh krizisov v rossiiskom obshchestve: Otchët po sotsiologicheskomu issledovaniiu* (2014) [Social risks of financial and economic crises in Russian society: A report on the results of a sociological study], Moscow: Finansovyï universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016* (2016) [Women and men of Russia, 2016], Moscow: Rosstat, available from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (accessed 28.01.2019).

Статья поступила 14.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).